

Д.Д. Дымская

КАТИЛИНА В «ЭНЕИДЕ»

Аннотация: в статье анализируется образ Катилины в «Энеиде». Для Вергилия Катилина очевидно является злодеем и символом гражданских раздоров. Однако это отношение не распространяется на остальных представителей рода Сергиев, т.к. их легендарный предок Сергест, несмотря на своё довольно сомнительное поведение во время погребальной регаты, все же изображен одним из главных и верных спутников Энея. Возможно, таким образом Вергилий хотел показать, что не следует осуждать за преступления Катилины всех Сергиев и что они могут быть хорошими гражданами и верно служить государству, как Сергест – своему предводителю.

Ключевые слова: Катилина, «Энеида», Вергилий, Сергест.

Abstract: the paper examines the portrayal of Catiline in the Aeneid. For Virgil, Catiline is obviously a villain and a symbol of civil strife. This attitude however doesn't extend to other members of the gens Sergia since their legendary ancestor Sergestus in spite of his somewhat questionable behaviour during the funerary ship race, is still depicted as one of Aeneas' main and most loyal companions. Thus Virgil possibly wanted to show that the Sergii shouldn't be blamed for Catiline's crimes and that they too can be good citizens and loyal servants to the state just as Sergestus was to his leader.

Keywords: Catiline, Aeneid, Virgil, Sergestus.

Имя Луция Сергия Катилины часто встречается в античной литературе – в основном, разумеется, в исторических сочинениях, повествующих о событиях 63 г. до н. э. Однако отдельные упоминания о нём есть и в некоторых художественных произведениях. В данной статье мы хотели бы проанализировать образ Катилины в «Энеиде» и предложить возможный вариант его трактовки.

У Вергилия Катилина является одной из фигур, изображённых на щите Энея¹. Он показан как преступник, испытывающий вечные муки в загробном мире: Катилина висит на выступающей скале, трепеща от вида лиц фурий (VIII. 666–669: *hinc procul addit / Tartareas etiam sedes. alta ostia Ditis, / et scelerum poenas, et te, Catilina, minaci / pendentem scopulo Furiarumque ora trementem*), а далее находятся «праведных сонм и Катон, им дающий законы» (VIII. 670: *secretosque pios, his dantem iura Catonem*). Данный отрывок и породил немало интерпретаций. Прежде всего исследователи задавались вопросом, какому именно наказанию подвергался в Тартаре Катилина. Из латинского текста это не вполне ясно. Одни исследователи предполагают, что он

---

¹ В науке существует множество интерпретаций значения и порядка сцен, представленных на щите Энея. Однако в целом никто, насколько можно судить, не отрицает, что на нём в хронологическом порядке изображены исторические и мифологические события, связанные с Римом.

был распят на скале или пронзён ею², другие – что он вечно пребывал в подвешенном состоянии перед падением в пропасть, как если бы его сбрасывали, например, с Тарпейской скалы³. Указывалось и на семантическую взаимосвязь между формой и сущностью наказания: *pendeo* («висеть») могло соответствовать *pendo* («искупать»)⁴, а словом *minax* античные авторы неоднократно характеризовали самого Катилину⁵. Был даже сделан вывод, что Вергилий мог специально составить такое расплывчатое описание, чтобы под него подходило сразу несколько образов⁶. Мы же склонны полагать, что многоплановость изображения и, как следствие, множество его интерпретаций, свидетельствуют скорее о том, что для поэта важнее было не точное изображение казни, а передача её сути⁷. Суть же, как видно из подобранных Вергилием слов, заключалась в пугающей неопределённости положения наказуемого и состоянии вечной угрозы, которой тот не мог избежать.

Исследователи неоднократно отмечали сходство между наказанием Катилины и карами отдельных мифических персонажей – таких, как Тантал, Пирифой⁸, Титий⁹, Прометей¹⁰, Сизиф¹¹, Андромеда¹² или

---

² Henry J. Aeneidea. Dublin, 1889. Vol. III. P. 768; Fratantuono L.M., Alden Smith R. Virgil, Aeneid 8: Text, Translation, and Commentary. Leiden; Boston, 2018. P. 686. С.А. Ошеров, по-видимому, склонялся к первому варианту, т.е. распятию, поскольку перевёл *minaci pendentem scopulo* как «прикованный к шаткому камню». Интересно, что в поэме о гражданской войне Лукана, написанной уже при Нероне, Катилина также помещён в Тартар. Он описывается как *abruptis... minax fractisque catenis* (VI. 793). Так что, возможно, Лукан позаимствовал образ и локализацию у своего предшественника, причём понял его текст в том смысле, что Катилина был именно прикован к скале.

³ Т.е., возможно, подвергался тому наказанию, которое заслужил при жизни. Хотя, как уже указывалось в историографии, это довольно странная трактовка, ибо в загробном мире нет Тарпейской скалы: Eden P.T. A Commentary on Virgil: Aeneid VIII. Cambr., 1975. P. 177.

⁴ Paschalis M. Virgil's Aeneid: Semantic Relations and Proper Names. N.Y., 1997. P. 297.

⁵ Henry J. Op. cit. P. 768–769 (с указанием источников).

⁶ Fratantuono L.M., Alden Smith R. Op. cit. P. 686–687.

⁷ Говоря о злодеях, которые подлежат наказанию в царстве мёртвых, Вергилий устами Сивиллы предупреждает: *ne quaere doceri, / quam poenam, aut quae forma viros fortunave mersit* (VI.614–615). После этого следует беглое перечисление нескольких видов мучений, в которых так или иначе фигурируют скала или камень (VI.616–618).

⁸ По мнению К. Макленнан, с мучениями Пирифоя (Verg. Aen. VI.602–603) пытку Катилины сближает наличие *minaci scopulo*, а с наказанием Тантала – присутствие фурий (Verg. Aen. VI.605): MacLennan K. Virgil: Aeneid VIII. L.; N.Y., 2017. P. 230. Однако у Пиндара (Ol. I.55–64) и Лукреция (III.980) Тантал испытывает мучения, которые Вергилий приписывает Пирифоя, т.е. обречён на вечный страх из-за висящего у него над головой камня. Это заставило П.Т. Идена предположить, что, описывая страдания Катилины, Вергилий опирался на текст Лукреция, но перенёс определение «висящий» с камня на жертву (ср. *impedens* в случае с Танталом и *pendentem* применительно к Катилине): Eden P.T. Op. cit. P. 177.

⁹ Verg. Aen. VI.595–600. Н. Хорсфолл отмечает сходство между наказанием Прометея и пыткой Тития (оба распяты на скале и терзаемы хищной птицей),

Аякс Оирид¹³, причём описания многих из них встречаются в том числе в «Энеиде». Из этого следует, что страдания Катилины не были исключительными – подобная участь (с незначительными вариациями) была, по Вергилию, уделом многих именитых «грешников». Любопытно, что из всех, кто был наказан таким образом, Катилина является единственным реально существовавшим человеком. Более того, он – единственный названный по имени исторический персонаж из всех, кто находится в Тартаре¹⁴ (так же, как и Катон – единственный, кто назван по имени из «праведников»). Все это наводит на мысль о том, что для Вергилия Катилина и Катон являлись своего рода *exempla*: один был олицетворением врага Рима наподобие Тарквиния (VIII.649–650), а другой служил персонификацией идеала справедливого и добродетельного государственного деятеля¹⁵.

Впрочем, существует и иная точка зрения, согласно которой оба персонажа представлены в поэме не как персонификации тех или иных качеств, а как реальные исторические личности. Это связывается с личными переживаниями поэта: волнения в Цизальпинской Гал-

---

в связи с чем призывает также вспомнить и о наказании Катилины: Horsfall N. Virgil, «Aeneid» 6: A Commentary. B.; Boston, 2013. P. 414.

¹⁰ Henry J. Op. cit. P. 767–768 (тип казни); 769 (наличие фурий); Thiel C. Publii Virgilii Maronis Aeneis: mit Erläuterungen den Gymnasialzwecken und Besonders der Beförderung der Privatlectüre auf Gymnasien bestimmt. Tl. 2. B., 1838. S. 258; Grandson K.W. A Commentary // Virgil. Aeneid. Book VIII. Cambr., 2003. P. 173. К. Грандсен пишет, что Вергилий, описывая наказание Катилины, имел в виду кару Прометея, т.к. тот являл собой «тип мифического революционера». Однако подобная параллель, как представляется, не вполне уместна, ибо Прометей традиционно воспринимался как положительный персонаж и его судьба, очевидно, должна была вызывать сочувствие. Катилина же, как правило, считался преступником, стремившимся лишь к собственной выгоде, а потому в его участи, скорее всего, видели справедливое возмездие.

¹¹ Savage J.T. Catiline in Vergil and in Cicero // CJ. 1941. Vol. 36. № 4. P. 226.

¹² Henry J. Op. cit. О наказании Андромеды: Manil. Astr. V.548.

¹³ М. Паскалис указывает прежде всего на семантическое сходство: *scelerum poenas... Catilina, minaci / pendentem scopulo* в какой-то мере созвучно со *scelerum poenas expendimus... Minervae... cautes* (Verg. Aen. XI.258–260), где *Catilina* соответствует *cautes* (скала), а *minaci* – *Minerva*. См. Paschalis M. Virgil's Aeneid: Semantic Relations and Proper Names. N.Y., 1997. P. 297. Однако в этой связи стоит также обратить внимание на само наказание Аякса, описанное в первой песне «Энеиды»: герой был пригвождён к «скале остроконечной» (Verg. Aen. I.39–45: *scopuloque infixit acuto*), что не может не вызвать ассоциаций с судьбой Катилины.

¹⁴ Лукан в свое время пойдет дальше и поместит в Тартар тех, о ком его предшественник дипломатично умолчал – у него там окажутся и Друзы, и Гракхи: Hardie Ph.R. (ed.). Virgil. Critical Assessments of Classical Authors. Vol. IV: The Aeneid (continued). N.Y., 1999. P. 239.

¹⁵ Grandson K.W. Op. cit. P. 173. Иногда образы Катилины и Катона трактуются как олицетворения *всех видов пороков* (Катилина) и добродетелей (Катон): Urso G. La gens «Sergia» e gli antenati di Catilina // Aevum. 2015. Anno 89. Fasc. 1. P. 127 (с указанием предшествующей литературы). Однако, учитывая общую «гражданскую» направленность поэмы, думается, что речь идёт именно о качествах, связанных с государственной деятельностью.

лии, спровоцированные мятежом катилинариев (Sall. Cat. 42.1), могли произвести столь сильное впечатление на маленького Вергилия (ему тогда было около семи лет, и он как раз жил в этой области)¹⁶, что впоследствии он «обрёк» за это Катилину на вечные страдания, а выступавшего против заговорщиков Катона, напротив, поместил среди «праведников». Мы полагаем, что эта гипотеза отчасти верна, хотя её категоричность, возможно, чрезмерна: ведь Катилина вполне мог быть представлен в поэме не только как *exemplum*, но и как историческая личность, ибо одно вовсе не исключает другого. Теория же о беспорядках в Дальней Галлии и их влиянии на юного Вергилия вызывает некоторые сомнения. Во-первых, сообщения источников об областях, в которых возникали мятежи, сильно разнятся¹⁷ и Цицерон, что примечательно, о Цизальпинской Галлии ничего не говорит – из современников заговора о волнениях в ней пишет только Саллюстий, а все остальные источники, в которых упоминается эта область, относятся к более позднему времени. Во-вторых, связь катилинариев с волнениями не доказана – они могли происходить и независимо от заговорщиков. Поэтому о настоящей опасности со стороны катилинариев речи, скорее всего, не шло. Тем не менее о заговоре ходили слухи, Цицерон убеждал всех в серьёзности угрозы, и в семье Вергилия вполне могли обсуждать эти сюжеты. Однако проверить, так ли это было на самом деле, невозможно, равно как и выяснить, насколько подобные разговоры, если они действительно имели место, влияли на будущего поэта. Поэтому более вероятным представляется, что изображение сцен с участием Катилины и Катона было обусловлено личными впечатлениями Вергилия не от самого заговора, а от его отображения в источниках. Во всяком случае, в историографии неоднократно отмечалось, что в данном эпизоде явно прослеживается влияние Саллюстия¹⁸. Сервий же считает наказание Катилины завуалированным комплиментом Цицерону (Serv. Aen. VIII.669: *hoc quasi in Ciceronis gratiam dictum videtur*), и ученые интерпретируют его комментарий в том смысле, что Вергилий таким образом мог исполнить пожелание великого оратора, высказанное им в Первой Катилинарии: «А ты, Юпитер... недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречёшь – живых и мёртвых – на вечные муки» (Cic. Cat. I.33)¹⁹. Подобная трактовка представляется нам вполне логич-

---

¹⁶ Eden P.T. Op. cit. P. 177.

¹⁷ Обзор источников с указанием областей см.: Kananack C.H.E. Reconsidering «The Conspiracy of Catiline»: Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust. Diss. PhD. Exeter, 2012. P. 168. N. 107.

¹⁸ О влиянии Саллюстия: Syme R. Sallust. Berkeley etc., 1964. P. 286; Woodman A.J. Virgil the historian: Aeneid 8.626–62 and Livy // Studies in Latin Literature and its Tradition in Honour of C.O. Brink. Cambridge Philological Society suppl. 1989. Vol. 15. P. 145. N. 61; Harrison S.J. The Survival and Supremacy of Rome: The Unity of the Shield of Aeneas // JRS. 1997. Vol. 87. P. 74.

¹⁹ Savage J.T. Op. cit. P. 225–226; Davis H.H. Catiline Lived On // The Classical Outlook. 1957. Vol. 35. No. 3. P. 30 (сцена наказания Катилины трактуется

ной²⁰. Кроме того, Т.П. Уайзмен отмечает, что на представление о Катилине как о великом «грешнике» могла повлиять и не дошедшая до нас эпическая поэма Цицерона *'De consulatu suo'*, которая была широко известна и пользовалась большим влиянием, пока ее не затмили произведения великих поэтов I в. н.э.²¹ Таким образом получается, что Вергилий был знаком с сочинениями обоих авторов – современников заговора. По-видимому, художественная мощь их текстов заставила поэта привнести описанные ими образы в его собственное произведение, но при этом по-своему их обыграть. Очевидно, подобные *exempla* были понятны и большинству его читателей, ибо в то время, когда Вергилий работал над «Энеидой», наверняка ещё были живы многие из тех, кто застал заговор Катилины, а те, кто был для этого слишком молод, в любом случае должны были о нём знать благодаря сочинениям Цицерона и Саллюстия, которые были включены в школьный канон²². Кроме того, год раскрытия заговора – 63 г. до н.э. – мог иметь для поэта и его современников символическое значение, поскольку именно тогда родился Октавиан Август. Как пишет Светоний, в день его рождения в сенате как раз обсуждался заговор Катилины, и отец будущего принцепса «из-за родов жены явился с опозданием» (Suet. Aug. 94.5)²³. Возможно, Вергилию было известно это обстоятельство, и оно послужило ещё одной причиной для включения в поэму сцены с Катилиной.

Д. Берри полагает, что это не единственное упоминание Луция Сергия в «Энеиде». По его мнению, заговорщик фигурирует также и в VI книге поэмы, в рассказе Сивиллы о тех, кто подлежит наказанию в Тартаре (VI.621–624):

Этот над родиной власть за золото продал тирану
Или законы за мзду отменял и менял произвольно,
Тот на дочь посягнул, осквернив её ложе преступно, –
Все дерзнули свершить и свершили дерзко злодейство.

как ответ на мольбу Цицерона к богам без упоминания Сервия); *Smith A. Poetic Allusion and Poetic Embrace in Ovid and Virgil. Ann Arbor, 1997. P. 183.*

²⁰ Впрочем, иногда считается, что сцена с Катилиной и упоминание сразу после неё Катона, наоборот, свидетельствует о негативном отношении к Цицерону, поскольку великий оратор считал раскрытие заговора Катилины своим величайшим деянием, а поэт даже не упомянул его в этой связи: *Guillemain A.M. Virgile, poète, artiste et penseur. P., 1951. P. 237–238.* Однако мы полагаем, что это не обязательно указывает на враждебность Вергилия к Цицерону, так как речь идет о символах, а Катон в качестве олицетворения гражданской доблести выглядит более убедительно, чем великий оратор. Во всяком случае, сочинения Цицерона в которых он превозносил собственные заслуги перед государством, вызывали у многих раздражение (Plut. Cic. 24.1–3), чего нельзя было сказать о «катоновской легенде».

²¹ *Wiseman T.P. Lucretius, Catiline and the Survival of Prophecy // idem. Historiography and Imagination: Eight Essays on Roman Culture. Exeter, 1999. P. 57.*

²² *Schmal S. Sallust. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2001. S. 155.*

²³ *Savage J.T. Op. cit. P. 226.*

*vendidit hic auro patriam dominumque potentem
imposuit; fixit leges pretio atque refixit;
hic thalamum invasit natae vetitosque hymenaeos
ausi omnes immane nefas ausoque potiti.*

Как видно, имена преступников не называются, что открывает простор для гипотез. Так, Сервий считает, что в данном отрывке речь идет о трех разных людях: тот, кто *vendidit hic auro patriam* – это, с его точки зрения, либо Ласфен, либо Курион, тот, кто *fixit leges pretio atque refixit* – это Марк Антоний, а тот, кто *thalamum invasit natae vetitosque hymenaeos* – это либо Фиест, либо Кинир. Мнение Доната о том, что в последнем случае говорится о Цицероне, Сервий отвергает. Д. Берри критикует интерпретации обоих античных комментаторов и считает, что в рассматриваемом фрагменте описываются не три человека, а два, один из которых *vendidit hic auro patriam dominumque potentem imposuit; fixit leges pretio atque refixit*, а второй – *thalamum invasit natae vetitosque hymenaeos*. Имена же их с точки зрения ученого не названы потому, что речь идет о реальных исторических лицах, причём недавнего (относительно времени написания поэмы) времени. Первым, как полагает Д. Берри, является Марк Антоний, а вторым – Катилина. В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит следующие факты: Катилина в самом деле обвинялся в инцесте (Ascon. P. 91.24–26; 92 Cl.)²⁴, Цицерон в «Филиппиках» сравнивал Антония с Катилиной²⁵ и, наконец, в VIII книге «Энеиды» Антоний упоминается вскоре после Катилины (VIII. 685–688)²⁶.

Перечисленные аргументы представляются нам отнюдь не бесспорными. Прежде всего стоит обратить внимание на вопрос Энея, адресованный Сивилле, после которого она начинает рассказ о Тартаре. Эней вопрошает – *quae scelerum facies* (VI.560), что в русском переводе удачно передано как «каковы обличья злодейства». Т.е. он хочет знать, не *кто* помещён в Тартар, а *за что*. Сивилла в ответ перечисляет ему различные типы преступлений и виды наказаний, но в конце говорит, что в любом случае не смогла бы назвать ему *omnis scelerum* и исчислить *omnia poenarum*. Отсюда опять же следует, что своей задачей она видела именно сообщение о видах преступлений и о положенных за них наказаниях. Таким образом, можно предположить, что Вергилий и не имел в виду конкретных людей, а просто привел своего рода классификацию «грехов». При этом мифические персонажи, которые были известны своими нечестивыми поступками по отношению к богам, у него названы по именам, а те, кто согрешил по отношению к людям (VI.608–617; 621–624), остаются анонимными. Дело здесь, вероятно, в том, что в «земных» делах преступлений совершается много, поэтому вместо того, чтобы указывать имена виновников, проще перечислить виды их деяний. Впрочем, даже если

²⁴ Позднее этот сюжет найдет отражение у Плутарха: Plut. Cic. 10.2.

²⁵ Cic. Phil. II.1; II.118; IV.15; VIII.15; XIII.22.

²⁶ Berry D.H. The Criminals in Virgil's Tartarus: Contemporary Allusions in Aeneid 6.621–4 // CIQ. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 416–420.

допустить, что за каждым типом стоит определённая личность, которую читатели должны были узнать по её проступку, то, по логике Д. Берри, Катилина должен был служить олицетворением инцеста. Иными словами, это должно было быть его главным преступлением, которое с ним ассоциировалось. Однако Цицерон использовал упрёки в аморальности скорее для подкрепления основного обвинения, а из последующих античных авторов сплетню об инцесте повторяет только Плутарх, живший уже гораздо позже описываемых событий (да и позже Вергилия) и известный своим пристрастием к разного рода анекдотам. Остальные же, включая Саллюстия, пишут преимущественно о заговоре. Из этого можно заключить, что в античной традиции Катилина был в большей степени известен как честолюбец, посягнувший на статус-кво в государстве. Следовательно, в произведении Вергилия он вряд ли мог быть тем, кто «на дочь посягнул, осквернив ее ложе преступно» – более вероятно, что Катилина (как и Антоний) попал бы в категорию тех, кто *arma secuti impia* (VI.612–613)²⁷. Наконец, если в VI книге Вергилий не стал называть преступников по именам из-за того, что они жили и действовали сравнительно недавно, то почему тогда в VIII книге он этому правилу не следует, и у него там упоминаются и Катилина, и Антоний, чьих имён он не утаивает?

Обобщая вышесказанное, отметим, что в VI книге «Энеиды» Катилина, по нашему мнению, не фигурирует.

Однако отсылка к нему есть в пятой книге – в эпизоде, где рассказывается о кораблекрушении спутника Энея Сергеста, который, как отмечает сам Вергилий, был легендарным предком рода Сергиев (V.121–122) и, соответственно, Катилины. По сюжету поэмы, Сергест участвовал в регате, которая проводилась во время игр в память почившего Анхиза. Стремясь достичь берега раньше соперников, герой предпочёл короткий, но опасный путь и в результате «налетел на гряды из воды выступавших утесов» (V.204: *infelix saxis in procurrentibus haesit*).

В литературе неоднократно указывалось на взаимосвязь между крушением Сергеста и печальной судьбой его потомка. Как корабль Сергеста повис на скале, так и в VIII книге на скале в Тартаре висит сам Катилина²⁸; название корабля Сергеста «Кентавр» является аллюзией на непомерные аппетиты и импульсивность, приписываемые Катилине; глагол *invehitur*, используемый Вергилием для обозначения того, как Сергест плывёт на своем корабле, напоминает о словесных нападках Катилины на своих противников; скалы, на которые налетел Сергест, Вергилий характеризует как *murex*, а это слово использова-

---

²⁷ Thiel C. Op. cit. S. 258; Gossrau G.W. Publii Vergilii Maronis Aeneis. Quedlinburg; Leipzig, 1846. S. 301. Вероятно, того же мнения придерживался и Лукан, в произведении которого Катилина упоминается именно в связи с гражданскими войнами, а не с аморальным поведением (II.540–542; VI.793–794; VII.62–64).

²⁸ Klotz A. Sergestus // RE. 1923. R. II. Hbd. 4. Sp. 1683; Feldherr A. Ships of State: «Aeneid» 5 and Augustan Circus Spectacle // Classical Antiquity. 1995. Vol. 14. No. 2. P. 254.

лось также для обозначения улитки, которая давала пурпурную краску. Пурпур же ассоциировался с высокой должностью, поэтому здесь, вероятно, также присутствует символизм, ибо Катилина потерпел поражение в соискании консулата. Наконец, корабль, как это вообще характерно для греческой и римской литературы, является метафорическим изображением государства; в данном случае он терпит крушение из-за высокомерия, завышенных притязаний и нетерпения кормчего²⁹. В этом нетрудно усмотреть отсылку к политическим амбициям Катилины и возможной судьбе Рима в случае его избрания в консулы. Да и само устроенное Энеем соревнование можно рассматривать как метафору политической борьбы: подобно тому, как Сергест потерпел крушение из-за своей *furor*, Катилина из-за того же качества проиграл консульские выборы³⁰. Согласно другой трактовке, Вергилий использовал эпизод с регатой, дабы показать, что даже троянское происхождение не гарантирует успех в хитросплетениях политики доавгустова Рима, а вот в эпоху Августа, когда «троянцы» снова будут править Римом, борьба примет более мирные формы³¹. Впрочем, это заключение вызывает некоторые сомнения, ибо все участники регаты были троянцами и, следовательно, привилегией, которая могла способствовать их успеху, их принадлежность к числу троянцев не являлась.

Относительно позорного возвращения Сергеста, который, несмотря ни на что, выжил и сумел добраться до берега на своем разбитом корабле, также высказывались различные точки зрения. Одни видят в этом эпизоде намёк на силу духа ещё одного его потомка – Марка Сергия Сила, героя Второй Пунической войны и прадеда Катилины, который потерял на войне руку и был многократно ранен, но все равно продолжал участвовать в битвах и проявлял замечательную храбрость на поле боя (Plin. NH. VII.104)³². Другие считают, что речь идёт не о Силе, а о самом Катилине, поскольку описание Сергеста не слишком комплиментарное, а Сил всё-таки был уважаемым человеком, и эта гипотеза представляется нам более правдоподобной. Отмечалось также, что такие характеристики как *furens* (Verg. *Aen.* V.202) и *infelix* (V.204), сближают Сергеста с Катилиной³³, а саллюстиево описание гибели Луция Сергия на ратном поле напоминает описание побитого судна Сергеста у Вергилия³⁴.

Таковы интерпретации ученых позднего времени. В этой связи возникает целый ряд вопросов, а именно: насколько сам Вергилий

---

²⁹ *Muse K.* Sergestus and Tarchon in the «Aeneid» // *ClQ.* 2007. Vol. 57. No. 2. P. 593 (с указанием литературы).

³⁰ *Feldherr A.* Op. cit. P. 254.

³¹ *Anderson C.A., Dix T.K.* Vergil at the Races: The Contest of Ships in Book 5 of the Aeneid // *Vergilius.* 2013. Vol. 59. P. 18–19.

³² *Davison B.* Sergestus, called Sergius // *SAN.* 1969. Vol. 1. P. 12.

³³ *Rhiannon A.* Ancient Historical Battle Narratives and the Epic Tradition // *Clio and the Poets: Augustan Poetry and the Traditions of Ancient Historiography.* Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 257.

³⁴ *Muse K.* Op. cit. P. 596.

ощущал связь между Сергестом и его потомком? Намеренны ли были приведённые параллели между ними, или поэт к ним вовсе не стремился, а подобный смысл придал его тексту лишь последующие исследователи? И, наконец, случаен ли был выбор Сергеста в качестве спутника Энея? Что касается последнего вопроса, то, возможно, Сергест по легенде в самом деле был троянцем и потому упомянут в сочинении Варрона *'De familiis Troianis'*. По мнению некоторых исследователей, текст Варрона был знаком Вергилию³⁵ и, если это действительно было так, то нет ничего удивительного в том, что поэт сделал Сергеста одним из спутников Энея.

На два других вопроса ответить сложнее. Прежде всего мы видим, что судьба Сергеста и Катилины в поэме различна. Первый за проявление «фамильных» дурных качеств наказан поражением в регате, но, несмотря на это, получает награду из рук Энея и впоследствии изображается как верный его спутник: вместе они прибывают в Италию, и Сергест помогает Энею в войне с местными племенами, тем самым способствуя исполнению пророчества. Даже для его характеристики вместо использовавшегося в V книге прилагательного *ferox*, которое указывает на неспособность контролировать эмоции, в IX книге применяется уже более сдержанное *acer* (IX.171; 779). Что же касается Катилины, то в поэме, где главными героями являются мифические персонажи, он, будучи реальным историческим лицом, низведён до уровня символа и олицетворяет гражданские раздоры, а потому терпит вечные мучения в загробном мире. Таким образом, можно констатировать, что Вергилий ни в коей мере не уподоблял ему Сергеста.

А. Фельдхерр рассматривает различия в судьбах предка и потомка как указание на то, что в мире игр даже такие персонажи, как Сергест (а потенциально и Катилина) могут быть приняты в общество³⁶. Однако данное толкование представляется нам не вполне убедительным, поскольку, судя по тексту, Эней демонстрирует доверие и благорасположение к Сергесту на протяжении всей поэмы³⁷, а не только утешает его после поражения на играх. Катилина же, напротив, исключён из мира живых и не принимает никакого участие в развитии сюжета.

Поэтому мы бы предложили иную трактовку. Думается, что, заставив чрезмерно пылкого и нетерпеливого Сергеста пойти на поводу у собственного честолюбия и вследствие этого потерпеть кораблекрушение, Вергилий действительно имел в виду будущую судьбу Катилины, так как параллели между ними слишком очевидны для того, чтобы быть простой случайностью. Это в свою очередь означает, что поэт, по-видимому, хотел указать на взаимосвязь между предком и потомком. Однако посредством различий в их судьбах Вергилий в то же время подчеркивал, что отождествлять Сергеста с Катилиной не сто-

---

³⁵ Klotz A. Op. cit. Sp. 1683; Muse K. Op. cit. P. 591–592; Urso G. Op. cit. P. 126.

³⁶ Feldherr A. Op. cit. P. 255.

³⁷ Verg. *Aen.* I.510, 610–611; IV.288–291; IX.171, 779; XII.561.

ит. Почему это было для него так важно? Дело здесь, думается, в следующем. Сергест, как уже говорилось выше, считался мифическим предком *всех* Сергиев. Однако в античной историографии после 63 г. до н.э. история представителей данного рода искажается³⁸ – очевидно, под влиянием сочинений Цицерона и Саллюстия, создавших нелепый образ одного из Сергиев – Катилины. Наиболее ярко это проявилось у Ливия: почти все упоминания о Сергиях в его произведении более или менее негативные. Первый из них состоял в печально известной второй коллегии децемвиров, последующие были скандалистами, конфликтовали со своими коллегами и терпели катастрофические поражения, а когда побеждали, то люди почему-то скорбели о павших, а не чествовали победителей; наконец, единственная женщина из этого рода, о которой что-то известно, хотела отравить первых граждан ядовитыми зельями. Зато рассказу о прапрадеде Катилины, герое Второй Пунической войны, историк уделяет сравнительно мало места³⁹.

Сочинение Ливия, по всей вероятности, было известно Вергилию⁴⁰; возможно, он использовал и иные источники для сюжета поэмы и самостоятельно их перерабатывал⁴¹. Поэтому думается, что предоставление Сергесту «второго шанса» после поражения в регате и его последующая относительно благополучная судьба свидетельствуют о том, что для Вергилия наказание Катилины, которое мы встречаем в VIII книге, индивидуально и не распространяется на весь род. Таким образом поэт словно отделяет Катилину от остальных Сергиев, что, на наш взгляд, можно рассматривать как своего рода литературную полемику с Ливием и попытку вернуть Сергиям доброе имя на фоне окончания эпохи гражданских войн и установления долгожданного мира в государстве.

Подведём итоги. Поскольку «Энеида» – произведение многослойное, образ Катилины не поддаётся однозначной трактовке и его можно интерпретировать по-разному. Вполне очевидно лишь то, что для Вергилия он является злодеем и ассоциируется с гражданскими смутами, однако, в отличие от некоторых других античных авторов, поэт, как представляется, не переносит вину за его деяния на весь его род, а, напротив, «наказывает» лишь непосредственного виновника. Пример же Сергеста, по-видимому, должен был показать, что его потом-

---

³⁸ *Urso G.* Op. cit. P. 141.

³⁹ Подробный анализ встречающихся у Ливия упоминаний о представителях рода Сергиев см.: *Urso G.* Op. cit. P. 128–133 (с указанием источников). Из него также видно, что рассмотренные сюжеты повторяются в текстах более поздних античных авторов.

⁴⁰ Римская история Ливия начала выходить как раз в то время, когда Вергилий работал над поэмой: *Тронский И.М.* История античной литературы. М., 1983. С. 364. Не исключено, что при написании VIII книги «Энеиды» поэт мог опираться на первые пять книг Ливия: *Woodman A.J.* Op. cit. P. 132–145; *Harrison S.J.* Op. cit. P. 71.

⁴¹ *Альбрехт М. фон.* История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на последующие эпохи / Пер. с нем. А.И. Любжина. М., 2004. Т. II. С. 744.

ки, несмотря на отдельные заблуждения, вполне могут быть добрыми гражданами и так же верно служить государству, как троянский герой – своему предводителю.

Литература:

- Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на последующие эпохи / Пер. с нем. А.И. Любжина. М., 2004. Т. II.
- Тронский И.М. История античной литературы. М., 1983.
- Anderson C.A., Dix T.K. Vergil at the Races: The Contest of Ships in Book 5 of the Aeneid // *Vergilius*. 2013. Vol. 59. P. 3–21.
- Berry D.H. The Criminals in Virgil's Tartarus: Contemporary Allusions in Aeneid 6.621–4 // *CIQ*. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 416–420.
- Davis H.H. Catiline Lived On // *The Classical Outlook*. 1957. Vol. 35. No. 3. P. 29–31.
- Davison B. Sergestus, called Sergius // *Society for Ancient Numismatics*. 1969. Vol. 1. № 1. P. 12–13.
- Eden P.T. A Commentary on Virgil: Aeneid VIII. Camb., 1975.
- Feldherr A. Ships of State: «Aeneid» 5 and Augustan Circus Spectacle // *Classical Antiquity*. 1995. Vol. 14. No. 2. P. 245–265.
- Fratantuono L.M., Alden Smith R. Virgil, Aeneid 8: Text, Translation, and Commentary. Leiden; Boston, 2018.
- Gossrau G.W. Publii Vergilii Maronis Aeneis. Quedlinburg; Leipzig, 1846.
- Grandsen K.W. A Commentary // Virgil. Aeneid. Book VIII. Camb., 2003.
- Guillemin A.M. Virgile, poète, artiste et penseur. P., 1951.
- Virgil. Critical Assessments of Classical Authors / Hardie Ph.R. (ed.). Vol. IV: The Aeneid (continued). N. Y., 1999.
- Harrison S.J. The Survival and Supremacy of Rome: The Unity of the Shield of Aeneas // *JRS*. 1997. Vol. 87. P. 70–76.
- Henry J. Aeneidea. Vol. III. Dublin, 1889.
- Horsfall N. Virgil, «Aeneid» 6: A Commentary. B.; Boston, 2013.
- Kananack C.H.E. Reconsidering «The Conspiracy of Catiline»: Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust. PhD Diss. Exeter, 2012.
- Klotz A. Sergestus // *RE*. 1923. II. R. Hbd. 4. Sp. 1683.
- MacLennan K. Virgil: Aeneid VIII. L.; N.Y., 2017.
- Muse K. Sergestus and Tarchon in the «Aeneid» // *CIQ*. 2007. Vol. 57. No. 2. P. 586–605.
- Paschalis M. Virgil's Aeneid: Semantic Relations and Proper Names. N.Y., 1997.
- Rhiannon A. Ancient Historical Battle Narratives and the Epic Tradition // *Clio and the Poets: Augustan Poetry and the Traditions of Ancient Historiography*. Leiden; Boston; Köln, 2002.
- Savage J.T. Catiline in Vergil and in Cicero // *CJ*. 1941. Vol. 36. No. 4. P. 225–226.
- Schmal S. Sallust. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2001.
- Smith A. Poetic Allusion and Poetic Embrace in Ovid and Virgil. Ann Arbor, 1997.
- Syme R. Sallust. Berkeley etc., 1964.
- Thiel C. Publii Virgilii Maronis Aeneis: mit Erläuterungen den Gymnasialzwecken und Besonders der Beförderung der Privatlectüre auf Gymnasien bestimmt. Tl. 2. B., 1838.
- Urso G. La gens «Sergia» e gli antenati di Catilina // *Aevum*. 2015. Anno 89, Fasc. 1. P. 125–141.
- Wiseman T.P. Lucretius, Catiline and the Survival of Prophecy // *Historiography and Imagination: Eight Essays on Roman Culture*. Exeter, 1999.

Woodman A.J. Virgil the historian: Aeneid 8.626–62 and Livy // Diggle J., Hall J.B., Jocelyn H.D. (eds.). *Studies in Latin Literature and its Tradition in Honour of C.O. Brink*. Cambridge Philological Society suppl. 1989. Vol. 15.